

DOI 10.5862/JHSS.250.3

УДК 94=(470.23)

В.А. Орав

ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И РАЗВИТИЕ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА В 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что изучение политики Советского государства по развитию Карельского перешейка представляет существенный интерес, так как позволяет сделать выводы относительно эффективности системы власти периода «позднего сталинизма». Статья направлена на изучение способов реализации данной политики на протяжении 1940–1950-х гг. За основу взяты историко-генетический и проблемно-хронологический методы исследования, представляющие возможность раскрыть мотивы партийного руководства при принятии решений о Карельском перешейке. Раскрыта эволюция позиции руководства Ленинградской области по отношению к доставшемуся от финнов имуществу и инфраструктуре Карельского перешейка в контексте перспектив его развития на основании документов руководящих партийных и советских органов, в частности стенограмм заседаний бюро обкома партии. Автор статьи приходит к выводу, что районные руководители оправдывали плохое состояние хозяйства во вверенных им районах финским происхождением сооружений и инфраструктуры. Старое руководство области (до 1949 г.) не воспринимало подобное оправдание всерьез и стремилось заставить подчиненных работать более эффективно. Новое же руководство видело решение всех проблем в разрушении финской и создании новой инфраструктуры.

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК; ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО; ХУТОРА; ЖИВОТНОВОДСТВО.

Особенностью Карельского перешейка, северо-западной части современной Ленинградской области, является то, что он неоднократно менял свою государственную принадлежность. Последний раз это произошло в 1944 г., когда перешеек был отторгнут Советским Союзом от Финляндии по условиям перемирия, завершившего «войну-продолжение» 1941–1944 гг.

Можно сказать, что изучение послевоенного периода истории Карельского перешейка имеет довольно длительную историографическую традицию [1–4], однако оно сосредоточено главным образом на исследовании организации переселений, а значительная часть проблем, связанных с политикой Советского государства по развитию перешейка, еще не получила должного освещения.

На территории, доставшейся СССР от финнов, были хорошо развиты промышленность, сельское хозяйство и транспортная инфраструктура, в экономическом отношении она занимала одно из ведущих мест в Финлян-

дии [2, с. 23–45; 5, с. 218–220]. Тем важнее проследить, каким образом развивался Карельский перешеек, став частью другой страны, войдя в состав Ленинградской области, насколько рационально использовались его ресурсы, каковы были конечные результаты освоения этого региона советскими людьми.

Во второй половине 1940-х и начале 1950-х гг. власти придавали большое значение развитию перешейка. По словам председателя Леноблисполкома И.С. Харитонов, перед руководством области стояла задача «быстрейшего возрождения и развития этого важного участка советской земли, призванного играть очень существенную роль в экономике страны, и в первую очередь в экономике Ленинграда». Эта роль должна была сводиться к четырем основным составляющим: 1) центр целлюлозно-бумажной, лесной и рыбной промышленности; 2) молочно-животноводческое и овощекартофельное хозяйство; 3) санаторно-курортная зона; 4) узел морских и железнодорожных ком-

муникаций. При этом хозяйство и культура должны быть подняты на такой высокий уровень, «на каком они никогда не стояли и не могли бы стоять при капитализме» [6, с. 30].

На протяжении всего рассматриваемого периода цели оставались прежними, а вот представления о методах их достижения менялись. На наш взгляд, чрезвычайно важную роль в изменении подходов к решению экономических проблем сыграла смена руководства Ленинградской области. После ряда судебных процессов против партийных и государственных руководителей РСФСР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. («Ленинградское дело») было не только полностью заменено партийно-советское руководство Ленинграда и области, но и проведена масштабная чистка аппарата от работников, близких к «враждебной антипартийной группе» [7, с. 24–25]. В феврале – июне 1949 г. со своих постов были сняты секретари обкома партии П.С. Попков и Г.Ф. Бадаев. Ленинградскую партийную организацию возглавил член Оргбюро ЦК ВКП(б) В.М. Андрианов [8, с. 65, 93], а место Г.Ф. Бадаева занял бывший секретарь Вологодского обкома ВКП(б) Б.Ф. Николаев [9, л. 2–5]. Попробуем проанализировать эволюцию позиции регионального руководства по отношению к доставшемуся от финнов имуществу и инфраструктуре Карельского перешейка на основании документов руководящих партийных и советских органов, в частности стенограмм заседаний бюро обкома партии. Изменение подходов к развитию перешейка можно продемонстрировать на двух примерах – это сселение хуторов и строительство животноводческих помещений.

Для Карельского перешейка была характерна традиционная в Финляндии хуторская система расселения, предполагающая не концентрацию крестьянских дворов в отдельных населенных пунктах, а их рассредоточение на большом расстоянии друг от друга. Наличие же хуторов для сложившегося в те годы социально-экономического строя было неприемлемо, так как это затрудняло эксплуатацию крестьянства. Ликвидация (сселение) хуторов предполагала разборку домов и надворных построек и их застройку на новом, заранее определенном месте центральной усадьбы колхоза [10, с. 386–388]. С этой точки зрения судьбу хуторов на Карельском перешейке можно считать изначально

предопределенной. Однако решение об их ликвидации было принято не сразу.

В литературе укоренилась точка зрения, что сселение было начато с принятием 6 ноября 1948 г. постановления Леноблисполкома «О свозке хуторов на Карельском перешейке» [2, с. 97–98; 11, с. 500]. Действительно, в этот день Леноблисполком принял решение (прот. № 59) «О свозке хуторов на Карельском перешейке Ленинградской области», однако речь в нем шла только об образовании комиссии из 10 человек под председательством заведующего областным отделом сельского и колхозного строительства М.Е. Осипова для подготовки материалов о будущем сселении, конкретные сроки которого не определялись. Комиссии было поручено провести инвентаризацию хуторов и выявить постройки, пригодные к перевозке, а также произвести расчеты по стоимости работ и потребности в материалах и выработать предложения по организации строительных работ [12, л. 8].

Сселение требовало больших вложений. Секретарь Рощинского РК ВКП(б) Е.С. Изотов говорил об этом на Ленинградской X областной и VIII городской объединенной партийной конференции в декабре 1948 г.: в деле ликвидации хуторской системы без помощи правительства не обойтись; поскольку половина построек не пригодны к перевозке, придется строить «десятки тысяч жилых домов и хозяйственных построек» [13, л. 271–272]. Учитывая это, 1-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) П.С. Попков 1 октября того же года заявил: «Насчет хуторской системы. Это стало камнем преткновения. Мы, очевидно, в ближайшие два года этот вопрос не решим, так как это стоит больших денег и мы не подготовлены к этому вопросу». Он считал, что не следует «давать возможности за счет колхоза создавать индивидуальное хозяйство, весь упор надо сделать на колхозы. Когда колхозы будут крепкими во всех отношениях, тогда пусть колхозник имеет пару коров у себя, это не страшно, потому что он сам не захочет, так как он будет иметь достаточное количество всех вещей из колхоза» [14, л. 10–11].

Руководители районов перешейка систематически говорили о вреде хуторов. Например, секретарь Кексгольмского РК ВКП(б) И.М. Жеглов отмечал: «Хуторская система, которая сейчас существует у нас, очень мешает во

всех отношениях... Может быть, нужно установить короткие или длинные сроки, но что-то с хуторами надо делать» [15, л. 91]. Однако это не означает, что местные партийные и советские органы на деле стремились добиться принятия соответствующего решения. Данное обстоятельство использовалось как оправдание плохой работы колхозов. Об этом косвенно свидетельствует следующее высказывание В.М. Андрианова: «Если хутор, то хозяйство туговато вести. С одной стороны, мы с этим одно время должны были мириться, и надо, чтобы этим люди не прикрывались, надо создавать общественное крепкое хозяйство колхозов» [16, л. 11].

На состоявшемся 4 марта 1949 г. заседании бюро обкома секретарь Лесогорского РК ВКП(б) Н.И. Кунаев заявил, что «хуторская система сильно затрудняет развитие колхозов, руководство ими и не способствует формированию социалистического сознания у колхозников. Поэтому я просил бы областной комитет партии ускорить решение вопроса о сселении хуторов и о создании на Карельском перешейке вместо этих финских хуторов русских деревень». Г.Ф. Бадаев отметил: «Районный комитет и его первый секретарь до сих пор по-настоящему в районе сельским хозяйством не занимаются». Поскольку район, по его словам, имеет все необходимое для создания крепких колхозов, «здесь дело в исключительно неудовлетворительном положении с постановкой всей партийно-политической и организационно-партийной работы», райком «не проводит политической работы среди колхозников». После краткого выступления Бадаева свое видение ситуации изложил В.М. Андрианов. Он разделял точку зрения руководителей районов и наметил программу дальнейших действий: «Корень зла в том, что колхозы состоят из хуторских хозяйств. Это неполноценные колхозы, в таких колхозах нет сплоченности, и, мне думается, нам нужно как главную задачу поставить — это сселить хуторские хозяйства и сделать колхозы настоящими колхозами. Поручить облисполкому в связи с этим рассмотреть вопрос о сселении хуторских хозяйств, пока в этом районе, а потом выработать предложение и, если нужно будет, войти в правительство и попросить помощи. Надо выработать конкретно, когда переселять, сколько переселять, какие для этого нужны средства материальные и денежные».

Постановлением бюро обкома Леноблисполкому было поручено в течение месяца рассмотреть вопрос о сселении хуторов и выработать предложения по укреплению пограничных колхозов Лесогорского района [Там же. Л. 5, 6, 25].

Дальнейшее развитие событий выглядит следующим образом. В течение 1949 г. никаких мероприятий по новому строительству и сселению, за исключением сооружения небольшого количества скотных дворов, не производилось. Как указывалось в справке Андрианову от 30 ноября 1949 г., колхозники по-прежнему жили на хуторах; плохое организационно-хозяйственное состояние колхозов связывалось с недостаточным участием колхозников в общественном производстве вследствие «разбросанности населения по хуторам». 2 декабря была образована комиссия во главе с председателем Леноблисполкома И.Д. Дмитриевым для разработки предложений по организационно-хозяйственному укреплению колхозов Выборгского и Лесогорского районов [17, л. 158, 173]. Пока у нас нет убедительных свидетельств, но можно с высокой долей уверенности утверждать, что принятое 22 марта 1950 г. постановление Совета министров СССР, согласно которому началось сселение, основывалось на предложениях комиссии И.Д. Дмитриева. За 1950–1952 гг. предполагалось перевезти и построить на центральных усадьбах 2400 домов [18, л. 186].

Еще более показательна судьба животноводческих построек, тесно связанная с судьбой хуторов. Большинство построек были каменные и, в отличие от деревянных домов, перевозке не подлежали. Г.Ф. Бадаев при обсуждении доклада секретаря Яскинского РК ВКП(б) М.М. Пилишевского 1 августа 1947 г. высказался так: «Яскинский район у нас является пограничным районом, районом, обеспеченным всеми хозяйственными и бытовыми постройками для того, чтобы создавать колхозы не только среднего типа, а создавать колхозы образцовые... Пилишевский даже того не понимает, что колхозы расположены в пограничной зоне, что охрана границ будет в два раза крепче, если колхозы будут поставлены как следует. Пилишевский не думает над перспективой, не думает, как лучше, полнее, правильнее использовать богатства, которыми располагает район. У него, если подсчитать, на колхоз приходится по пять скотных дворов, которые не снились ни Ось-

минскому, ни Мгинскому районам — прекрасные кирпичные здания. А как используются? ...У них навозной жижи выше колен» [19, л. 9]. Данную мысль Бадаев еще раз высказал почти полгода спустя, 30 января 1948 г., когда принималось решение о контроле за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели в том же районе: «Есть постройки, скотные дворы, все с лихвой, причем такие, о которых мы еще мечтаем... А Вы, обладая такими несметными богатствами по сравнению с другими, не хотите понимать. Сколько раз мы с Вами говорили на эту тему, а дело остается по-прежнему. Строить там не надо, нужно только воспитанием людей заниматься, правильным ведением хозяйства, и всё. Если в другом районе людей не хватает, занимают вопросы, куда поселять, у вас этого нет» [20, л. 13–14]. Очевидно, это была единая позиция ведущих руководителей области. То же самое говорил и председатель Леноблсполкома И.С. Харитонов: «Работники животноводства Карельского перешейка не могут пожаловаться на отсутствие хороших хозяйственных построек, скотных дворов, кормов, однако положение с животноводством остается неудовлетворительным» [6, с. 23].

Совсем другого мнения были местные партийные, советские и хозяйственные кадры. Директор птицевосхоза «Приморье» в 1946 г. утверждал: «Имеющиеся постройки, как производственные, так и жилые, индивидуально-хуторского типа, из себя не представляют никакой ценности как основная база для нормальной работы совхоза». В совхозах, по его мнению, даже отсутствовали скотные дворы необходимой вместительности. Авторы записок в отдел совхозов обкома партии в том же году отмечали, что «совхозные тресты больше занимаются совхозами других районов области и мало внимания сосредоточивают на совхозах Карельского перешейка», и производственные показатели здесь были хуже, чем в других совхозах области [21, л. 4, 9, 48]. Не улучшились они и в последующие годы. За 1949–1951 гг. совхозы Главного управления животноводческих совхозов Ленинградской зоны, расположенные в Ленинградской области, получили 50 млн рублей убытка. Как указывалось в записке члену Оргбюро ЦК Г.М. Маленкову в августе 1951 г., эти совхозы «плохо справляются с выполнением своей основной задачи снабжения населе-

ния г. Ленинграда продуктами животноводства. Большинство совхозов находятся в тяжелом финансовом положении и не имеют возможности своевременно проводить финансовые операции по оплате кормов и поставляемого поголовья на откорм» [22, л. 15].

Свой ответ на вопрос о причинах столь тяжелого положения дал начальник отдела строительства Выборгского животноводческого треста Матвеев. При кажущейся убедительности, его суждения не отличаются особой логикой. По утверждению Матвеева, причиной всех бед являлось финское происхождение жилых и производственных построек: «В большей своей части эти сооружения не имеют водопровода, канализации и вентиляции, что отражается не только на самом здании, но и на здоровье скота и его продуктивности. Стопроцентное отсутствие какой-либо механизации подачи кормов и вывоза навоза, отсюда навоз выбрасывается вручную и, конечно, рядом с помещением; так, в отдельных совхозах у животноводческих построек скопление навоза выражается в 1000-тонных завалах, они загромаждают эксплуатационные подходы». Из приведенных суждений получалось, что непосредственной причиной всех бед является финское происхождение построек, при этом сделать так, чтобы навоз убирался вовремя, иначе как через внедрение гипотетической механизации невозможно в принципе. Также невозможно подвести к этим сооружениям водопровод, канализацию, электросети, поскольку существующие сооружения расположены вне границ утвержденных генпланов. Из-за отсутствия водопровода увеличивалась себестоимость: в совхозе «Барышево» для доставки воды, предназначенной для поения скота, в зиму 1949/50 г. было израсходовано 26 тыс. рублей [Там же. Л. 100–101]. Совершенно очевидно, что гораздо экономичнее разработать новые генпланы совхозов, нежели строить скотные дворы и иные здания заново. В этой связи знаменательно признание секретаря Соновского РК ВКП(б) О.А. Потапова на июньском (1949 г.) пленуме обкома: «Мне кажется, что надо продумать вопрос о каких-то кадрах механизаторов в районе, потому что сейчас получается такое положение: у нас есть ряд финских дворов, где есть хорошая система водопровода, имеются автоматические поилки, но мы не знаем ни схем, ни узлов, находящихся под землей,

и восстановить их собственными силами мы не можем» [9, л. 65]. Это признание свидетельствует не только об искажении информации со стороны чиновников совхозных трестов, но и о еще одном приеме сокрытия истинного положения вещей — ссылок на отсутствие технической документации, вывезенной финнами, а потому, по мнению местных руководителей, абсолютно недоступной [23, с. 204–205]. Это было совершенно не так: получение необходимых планов и схем, по крайней мере в первые 2–3 года после подписания перемирия с Финляндией, не было непреодолимым препятствием. Так, 2 марта 1945 г. секретарь обкома А.А. Кузнецов говорил о затребовании у финнов документации по сооружениям Сайменского канала: «Пункт 6-й, конечно, нужно изъять. В Контрольную союзную комиссию позвонить по телефону Савоненкову и сказать: сделайте то-то и то-то» [24, л. 18].

По нашему мнению, причины плохих производственных показателей совхозов, как и колхозов, не были связаны с финским происхождением домов и ферм, а состояли в отсутствии взаимосвязи между трудовыми усилиями непосредственного производителя и его заработком. Выразительный пример об атмосфере в одном из совхозов был приведен лектором обкома Агамалюном, выезжавшим в Лесогорский район, на совещании в Смольном 9 августа 1950 г.: «Директор Алексеев и главбух придерживаются следующей философской премудрости: рабочий не должен зарабатывать больше директора и главбуха. Если рабочий постарается, то его заработок всё равно снизят. И это в условиях недостатка рабочей силы, на

который непрерывно жалуется директор совхоза. Поэтому теперь рабочие стараются работать в пределах максимума, а хлеб тем временем осыпается. У людей никакого стимула нет» [25, л. 11].

Исходя из вышеизложенного, изменение подходов к методам развития Карельского перешейка можно представить следующим образом. Перед региональным партийно-советским руководством была поставлена задача сделать перешеек наиболее обустроенной, экономически развитой, «культурнейшей частью нашей области» [6, с. 28–30]. Но по прошествии некоторого времени выяснилось, что в условиях социализма невозможно поставить хозяйство на более высокий уровень, чем оно было при капитализме. Оказавшись под огнем критики руководителей области, районное начальство избрало линию поведения, заключавшуюся в том, что все провалы и недостатки связывались с финским происхождением зданий и сооружений. Хотя мероприятия, осуществлявшиеся с начала 1950-х гг., начали разрабатываться еще при П.С. Попкове и Г.Ф. Бадаеве, очевидно, что они не воспринимали эти ссылки всерьез. В то же время новое руководство обкома партии во главе с В.М. Андриановым воспринимало их как руководство к действию. Главное различие в подходах руководителей двух формаций заключается в том, что представители первой стремились добиться хороших показателей, пытаясь заставить подчиненных работать более эффективно, и уже на этой основе осуществить инфраструктурные изменения, а представители второй видели решение проблем в разрушении старой и создании новой инфраструктуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кутузов В.А.** Возрождение земли Ленинградской: коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л.: Лениздат, 1985. 246 с.
2. **Большакова Г.И.** Заложники новой границы: проблемы заселения и освоения Карельского перешейка в 1940–1960-х гг. СПб.: Астерион, 2009. 134 с.
3. **Кривошеев Ю.В.** Советские переселенцы на Карельском перешейке и начало Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 133–137.

4. **Герашенко Л.В.** Переселенческая политика Советского государства на Карельском перешейке в 1940–1950-х гг. в документах Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 141–148.
5. **Килин Ю.М.** Карелия в политике Советского государства, 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1999. 275 с.
6. **Харитонов И.С.** О работе партийных, советских и хозяйственных организаций области по освоению Карельского перешейка, хозяйственному устройству и закреплению переселенцев на Карельском перешейке // Пропаганда и агитация. 1946. № 24. С. 23–30.

7. **Болдовский К.А.** Аппарат Ленинградской городской партийной организации и его место в системе властных отношений в СССР. 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. 28 с.
8. «Ленинградское дело» / сост. В.И. Демидов и В.А. Кутузов. Л.: Лениздат, 1990. 414 с.
9. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 49. Д. 17.
10. **Голдин В.Н.** Взгляд из деревни, или Почему пустует земля. В 2 кн. Кн. 1. Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2010. 434 с.
11. **Дмитриев А.П., Лихой А.И.** Приозерская земля: история и культура. Книга по краеведению. СПб.; Приозерск: Комплекс, 2009. 668 с.
12. **Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.** Ф. 7179. Оп. 33. Д. 438.
13. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 73. Д. 30.
14. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 2. Д. 6712.
15. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 2. Д. 5817.
16. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 49. Д. 82.
17. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 49. Д. 318.
18. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 70. Д. 174.
19. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 2. Д. 6355.
20. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 2. Д. 6552.
21. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 16. Д. 154.
22. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 58. Д. 310.
23. **Герашенко Л.В.** Плановое переселение и обустройство советских граждан в приграничных районах Карельского перешейка в 1940–1941, 1944–1953 годах. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2011. 248 с.
24. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 2. Д. 5543.
25. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 49. Д. 834.

ОРАВ Владимир Алексеевич – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: v.orav@yandex.ru

V.A. Orav

**THE LENINGRAD REGION PARTY AND STATE LEADERSHIP
AND THE DEVELOPMENT OF THE KARELIAN ISTHMUS
IN THE 1940S – EARLY 1950S**

The article relevance is stipulated, because the analyzing of the Soviet politics in regard to the Karelian Isthmus have a significant interest. This scrutinizing allows to make conclusions about the “late Stalinism” power system effectiveness. In this connection the article reveals a implementation of this politics in 1940s

and 1950s. The author used a historical-genetical and a question-chronological methods as main methods of this study. The methods give an opportunity to explore the party leadership motives in a case of decision-making in relation to the Karelian Isthmus. In the article evolution of Leningrad region leadership attitude toward former Finnish property and infrastructure on the Karelian Isthmus in the context of its developing prospects scrutinizes. As a basis for the article the author used regional party and state bodies' documents including shorthand records of the Party regional committee bureau. The author arrives at a conclusion that the district leaders justified poor state of economy in the districts by Finnish origin of buildings and infrastructure. The old regional leadership existed until 1949 did not perceived the references seriously and this leaders aspired to compel its subordinates to more effective work. The new leadership apprehended the references as a guide to action. This leaders supposed that the optimal solution of all problems is destroying of Finnish infrastructure and creating of new Soviet infrastructure.

THE KARELIAN ISTHMUS; LENINGRAD AFFAIR; KHUTORS; ANIMAL HUSBANDRY.

REFERENCES

1. Kutuzov V.A. *Vozrozhdeniye zemli Leningradskoy: kommunisty v avangarde vosstanovleniya narodnogo khozyaystva Leningradskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The revival of Leningrad's land: communists in vanguard of Leningrad region national economy restoration during the Grate Patriotic war years]. Leningrad, Len'izdat Publ., 1985. 246 p. (In Russ.)
2. Bol'shakova G.I. *Zalozhniki novoy granitsy: problema zaseleniya i osvoyeniya Karel'skogo peresheyka v 1940–1960-kh gg.* [Hostages of a new border: the problems of colonization and developing of the Karelian isthmus in 1940–1960s]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2009. 134 p. (In Russ.)
3. Krivosheyev Yu.V. [The Soviet migrants on the Karelian isthmus and a beginning of the Grate Patriotic war]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2011, no. 1, pp. 133–137. (In Russ.)
4. Gerashchenko L.V. [The emigrant politics of Soviet state on the Karelian isthmus in 1940–1950s in the Leningrad regional state archive in Vyborg]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2011, no. 2, pp. 141–148. (In Russ.)
5. Kilin Yu.M. *Kareliya v politike Sovetskogo gosudarstva, 1920–1941* [Karelia in the politics of the Soviet state in 1920–1941]. Petrozavodsk, Petrozavodskiy Univ. Publ., 1999. 275 p. (In Russ.)
6. Kharitonov I.S. [On the work of party, state and economical organizations on developing of the Karelian isthmus, necessary facilities provision and attaching of settlers on the Karelian isthmus]. *Propaganda i agitatsiya*, 1946, no. 24, pp. 23–30. (In Russ.)
7. Boldovskiy K.A. *Apparat Leningradskoy gorodskoy partiynoy organizatsii i yego mesto v sisteme vlastnykh otnosheniy v SSSR. 1945–1953 gg.* Avtoref. kand. dis. [Leningrad city party organization apparatus and his place in power relations system of the USSR in 1945–1953. Abstr. cand. diss.]. St. Petersburg, 2013. 28 p. (In Russ.)
8. *“Leningradskoye delo”* [“The Leningrad affair”]. Coll. by V.I. Demidov and V.A. Kutuzov. Leningrad: Len'izdat Publ., 1990. 414 p. (In Russ.)
9. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 49. D. 17.
10. Goldin V.N. *Vzglyad iz derevni, ili Pochemu pustuyet zemlya* [The look from countryside or Why land is deserted]. In 2 vol. Of vol. 1. Ekaterinburg, USTU Publ., 2010. 434 p. (In Russ.)
11. Dmitriyev A.P., Likhoy A.I. *Priozerskaya zemlya: istoriya i kul'tura. Kniga po krayevedeniyu* [Priozersk land: the history and the culture. The book about a local history]. St. Petersburg, Priozersk, Kompleks Publ., 2009. 668 p. (In Russ.)
12. [The Central state archive of St. Petersburg]. F. 7179. Op. 33. D. 438.
13. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 73. D. 30.
14. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 2. D. 6712.
15. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 2. D. 5817.
16. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 49. D. 82.
17. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 49. D. 318.
18. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 70. D. 174.
19. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 2. D. 6355.
20. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 2. D. 6552.
21. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 16. D. 154.
22. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 58. D. 310.

23. Gerashchenko L.V. *Planovoye pereseleniye i obustroystvo sovetskikh grazhdan v prigranichnykh rayonakh Karel'skogo peresheyka v 1940–1941, 1944–1953 godakh* [Planned resettlements and Soviet citizens necessary facilities provision in borderland districts of the Karelian isthmus]. St. Petersburg, SPbSEU Publ., 2011. 248 p. (In Russ.)

24. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 2. D. 5543.

25. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 49. D. 834.

ORAV Vladimir A. – *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7-9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: v.orav@yandex.ru